

на второй день после свадьбы новобрачным по обычаю полагалось утром поднести чай старшим, в полдень разделить имущество, а к вечеру отправиться на ночлег в свой собственный новый дом — обычно в главном доме семьи Фан на ночь не оставались.

Однако старая госпожа Фан так дорожила внуком, что под разными предлогами удерживала Фан Чжуншаня ещё дня три. Лишь когда оттягивать неизбежное стало совсем неприлично, она скрепя сердце отпустила молодых.

Перед самым уходом бабушка улучила минуту, когда никого не было рядом, и тайком сунула Фан Чжуншаню в карман целый лан серебра. Наказала припрятать на личные нужды и строго-настрого велела: даже отделившись от семьи, устраивать жизнь на совесть и ни в чём себе не отказывать.

Она лично помогла собрать вещи, а в придачу отдала упитанную несущку, которую полгода выкармливала во дворе, и пяток свежих яиц.

Семья Фан наняла запряжённую ослом телегу. Деревянный настил ломился от пожитков, так что Фан Чжуншаню и Цзян Жану пришлось потесниться, едва примостившись на самом краю дощатого борта.

Слишком тяжёлый и громоздкий груз заставлял ослика плестись не спеша. Пока повозка, поскрипывая на ухабах, доползла до южной окраины деревни, солнце уже поднялось в самый зенит.

Приблизившись к месту, Фан Чжуншань ещё издали заметил своё новое владение. На выделенном ему участке красовались два недавно отстроенных домика с черепичной крышей. Пускай простые, они вовсе не выглядели запущенными или ветхими — скорее опрятными и крепкими.

Перед домами лежал пустырь, к которому явно давно не прикасалась рука человека, — земля там густо заросла буйным сорняком.

Возивший их деревенский мужик оказался малым общительным. Он добродушно ухмыльнулся и завёл разговор:

— Прежний хозяин этих мест бежал сюда от голода. Лет десять тут прожил, а года три назад его разыскала родня.

— И надо же такому случиться! — развёл руками возница. — Выбился у него какой-то дальний родич в люди, разбогател на чужбине, разыскал бедолагу и сразу забрал к себе в достаток. Земля осталась пустовать без дела, вот её и решили продать за бесценок кому-нибудь из местных. Твоему отцу тогда как раз удалось скопить немного серебра, он подсуетился и выкупил участок почти даром. Выгодное дельце вышло!

— А тебе и вовсе подвалила удача — целая му земли да два добротных дома! Сразу видать, бабушка в тебе души не чает. Погляди вокруг: разве кому из деревенских парней перепало такое богатство в твои-то годы?

Фан Чжуншань не подозревал, какая предыстория крылась за его новым жильём. Он молча выслушал рассказ возницы, лишь понимающе улыбнувшись в ответ.

Бабушка славилась на всю округу сварливым и крутым нравом, однако для любимого внука ей ничего не было жалко. Фан Чжуншань не собирался быть неблагодарным подлецом. Раз уж он занял тело прежнего владельца и унаследовал все его блага, то считал своим долгом заботиться о старухе и сполна вернуть ей сыновнее почтение на старости лет.

Мужик за разговорами проникся к покладистому юноше симпатией и, стоило им подъехать к дому, вызвался без лишних слов помочь перетащить тяжёлые пожитки внутрь.

Жилище состояло из двух смежных построек. В передней, более просторной, перегородка отделяла кухню от гостиной, где принимали гостей. Задний же дом был разделён на две уютные спальни.

Мебели внутри оказалось небогато, но всё самое необходимое — кровати, столы и лари — имелось в наличии. Обойдя свои владения кругом, Фан Чжуншань остался вполне доволен. Он решил, что, как только они устроятся на новом месте через пару дней, он набросает план и переставит всё на свой лад.

В деревнях к мытью относились просто — никаких купален отродясь не строили. В летний зной ханьцзы без лишних затей отмывались в речке. Шуаньэр и молодые девушки, будучи более застенчивыми, мылись дома, используя деревянные кадки.

Фан Чжуншань рассудил, что неплохо бы пристроить к кухне отдельный чуланчик под баню. А ещё лучше — проложить от ближайшего горного источника деревянный желоб, чтобы чистая родниковая вода текла прямиком в дом. Тогда и стряпать, и греть воду для мытья станет куда сподручнее.

Семенивший следом Цзян Жан так и сиял от восторга.

Живя в семье Цзян, он больше всего завидовал Руху и Сиюй, у которых были собственные отдельные комнаты.

Заметив, что запыхавшийся шуаньэр весь взмок, пока обустроивал жильё, Фан Чжуншань решил перевести дух. Солнце ещё стояло высоко, и он увёл супруга прогуляться по окрестностям.

Крестьянские дворы в Деревне Речного Отдыха лепились поодаль друг от друга, но участок

Фан Чжуншаня лежал на самом отшибе. До ближайших соседей нужно было топтать добрых несколько сотен шагов.

Неподалёку от черепичного дома высилась величавая громада — Гора Одинокого Шамана, величайшая вершина здешних мест. У её подножия ютилось немало охотников. Стоило Фан Чжуншаню и Цзян Жану отойти чуть дальше от двора, как им повстречались несколько местных промысловиков — крепких, весёлых ханьцзы.

Простые душой лесные жители не питали предвзятости к семейству Фан. Они охотно перебросились с новосёлом парой слов, а напоследок один из них доброжелательно предостерёг:

— Раз уж устроились здесь надолго, запомни одно: в дикую рощу у себя за домом лучше без нужды не суйся. Поговаривают, место это дурное, нечистое. Давным-давно там кто-то свёл счёты с жизнью на суку. Забрёдёшь туда — накличешь беду.

После слов охотника в памяти Фан Чжуншаня всплыли кое-какие смутные воспоминания. Позади его усадьбы и впрямь темнела густая, запущенная чаща со старыми, узловатыми деревьями.

Сам он во всю эту чертовщину и суеверия не верил, однако за чужую заботу поблагодарил искренне и вежливо.

Зато стоявшему рядом Цзян Жану от таких рассказней стало не по себе. По его спине пробежал мороз, и он потихоньку вцепился в рукав мужа, не смея пикнуть.

Заметив, как побледнел его ненаглядный супруг, Фан Чжуншань легонько сжал его ладонь и заговорщически прошептал:

— И чего ты испугался? Твой ханьцзы рядом. У меня дух крепкий, праведный, ни один бродячий бес не осмелится и на шаг подойти!

«Даже если здесь и бродит парочка неуспокоенных душ, один громогласный революционный марш живо изгонит любую бесовщину», — с весёлой уверенностью подумал про себя попаданец.

Цзян Жан устыдился своей минутной слабости. Не желая выглядеть трусом в глазах мужа, он поспешно отпустил его рукав и, надув губы, упрямо возразил:

— Ничего я не испугался! Я в эти глупые сказки тоже не верю!

Фан Чжуншань согласно закивал и, будто утешая дитя, ласково взъерошил мягкие волосы на затылке шуаньэр:

— Ну конечно. Мы в это не верим.

От такого снисходительного тона Цзян Жан смутился ещё сильнее и недовольно насупился.

Страшилки охотников нисколько не напугали Фан Чжуншаня. Для человека, который в прошлой жизни с малых лет привык лазить по горам и лесам, заброшенная роща и крутые склоны Горы Одинокого Шамана казались не обителью духов, а богатейшим источником пропитания и ценных ресурсов.

Он твёрдо вознамерился выгадать время и в ближайшие дни сходить на разведку — присмотреться к лесу и разведать горные тропы.

Затем супруги осмотрели выделенный им надел в одну му. Во время недавнего сева семья Фан не обошла вниманием этот участок: ровные ряды молодых рисовых всходов уже набрали силу. Их ярко-зелёные стебли стояли ровно, а узкие длинные листья лениво колыхались под дуновением летнего ветра.

Перед отъездом дедушка Фан Юань прямо заявил внуку: раз земля перешла в его владение, то и заботиться о ней большая семья больше не станет. Сколько труда он вложит в пашню и какой соберёт урожай — отныне зависело лишь от него самого.

В своей прежней жизни Фан Чжуншань хлебнул немало лиха. Его семья бедствовала, не имея даже крошечного клочка земли, так что ему сызмальства приходилось вместе с отцом гнуть спину на чужих полях, ухаживая за чужими посевами и убирая чужой рис. Собственный надел в одну му казался ему неслыханной щедростью и пределом мечтаний, поэтому он без колебаний пообещал деду присмотреть за полем как следует.

Обзаведясь собственной землёй и крышей над головой, Фан Чжуншань не сомневался, что с его трудолюбием и смекалкой они с молодым супругом ни за что не пропадут.

Они бродили по своим угожьям до самого вечера, и когда повернули обратно к дому, небосвод уже окрасился багряными тонами заката.

Отыскав в сенах прочную верёвку из сухой травы, Фан Чжуншань привязал за ногу подаренную бабушкой несущку. Подложив под её тёплое брюхо три яйца, он решил проверить, проснётся ли в ней материнский инстинкт. Оставшиеся яйца он отложил на ужин — задумал сварить для своего шуаньэр питательный суп с яичными хлопьями, чтобы тот хоть немного восстановил силы.

Перепуганная курица поначалу металась и кудахтала, тщетно пытаясь взлететь, но, поняв, что путы держат крепко, притихла. Она покорно опустилась на землю, нахохлившись и спрятав голову под крыло.

Глядя на несчастную нахохлившуюся птицу, Цзян Жан сжалился над ней и предложил:

— Завтра на рассвете давай сходим в горы, поищем бамбук. В детстве я перенимал ремесло у одного деревенского мастера и смогу сплести из него простые корзины да клетки. Заодно соорудим небольшой плетень, чтобы выгородить для курицы загон. Всё лучше, чем держать её на привязи.

Фан Чжуншань, который и сам ломал голову над тем, где держать несушку, так и расплылся в улыбке:

— Вот и ладно! Завтра же поутру поднимусь в гору за бамбуком. Заодно посмотрю, может, посчастливится подстрелить дикого фазана или поймать зайца.

Своя земля — дело хорошее, но до первого урожая риса ещё нужно дожить, ведь жатва начнётся только осенью. Пускай сейчас у них оставалась выданная семьёй доля зерна и немного серебра, вечно жить на эти крохи было нельзя — запасы рано или поздно подошли бы к концу.

Сам Фан Чжуншань с детства привык к суровому лесному быту: пускай в тонкостях ведения хозяйства он смыслил мало, зато умел бить зверя, ловить рыбу да разбирался в целебных кореньях. Он решил подыскать себе в наставники кого-нибудь из опытных местных следопытов. Охота ли, сбор ли лекарственных трав в горах — всё хлеб.

Поделившись своими соображениями с мужем, Фан Чжуншань встретил самую горячую поддержку. Шуаньэр кивнул и подхватил:

— Если найдётся умелый человек, согласный обучить тебя лесному делу, это было бы чудесно.

— Нам ведь сегодня как раз такой повстречался — помнишь старого охотника по имени Линь Фэн? Тот, что предостерёг нас от похода в рощу. На вид он человек незлобивый и рассудительный. Может, стоит завтра заглянуть к нему с небольшим гостинцем да расспросить, не согласится ли он взять тебя с собой в лес?

— Вот только... — Цзян Жан запнулся, и в его голосе проскользнули тревожные нотки. — Охота — ремесло опасное. В лесу всякое может случиться, дикий зверь пощады не знает, а ты...

Цзян Жан невольно вспомнил, что прежний Фан Чжуншань рос в холе и неге, не зная тяжёлого труда. Он и ведра-то лишний раз поднять не мог! Вдруг муж просто хвастает, желая казаться храбрецом, а при встрече с настоящим зверем сплоскает и поплатится головой?

Самолюбие у ханьцзы хрупкое, и ранить его неосторожным словом Цзян Жан побоялся. Не решившись высказать свои сомнения вслух, он лишь с замиранием сердца попросил супруга поберечь себя.

Фан Чжуншань прекрасно понял, о чём тревожится его маленький супруг. Ему стало и тепло на душе от такой заботы, и до смерти смешно: слава о лени и неприспособленности прежнего хозяина этого тела прогремела на все окрестные деревни!

— Стряпню, уборку и огород я могу взять на себя, — торопливо, стараясь говорить как можно мягче, продолжил Цзян Жан. — Да и плести корзины у меня получается сносно. Буду продавать их на рынке в городе. Не нужно тебе так спешить и надрываться в горах. Пусть мы станем жить скромно, зато в безопасности. Главное ведь — чтобы ты вернулся невредимым...

Его круглые, ясные глаза светились такой искренней преданностью и нежностью, что в его хрупкой фигурке вдруг угадывалась решимость во что бы то ни стало самому тащить на себе весь их маленький дом.

Фан Чжуншань, привыкший в прошлой жизни во всём полагаться исключительно на себя, ощутил, как к горлу подкатил тёплый ком. Этот юноша действительно всем сердцем желал ему добра и готов был делить с ним любые тяготы.

Справившись с нахлынувшими чувствами, он ласково улыбнулся. Запустив пятерню в растрёпанные волосы шуаньэр, он осторожно пригладил непослушную прядь на макушке и негромко произнёс:

— Ну что за глупости ты говоришь? Мы ведь теперь одна семья. Не пристало ханьцзы сидеть на шее у своего супруга и смотреть, как тот надывается ради куска хлеба.

— Не бойся, я не стану лезть на рожон и глупо рисковать головой. Уж поверь, у меня на плечах есть своя.

На лице Цзян Жана по-прежнему читалось глубокое сомнение. Фан Чжуншань понимал, что пустые клятвы и посулы сейчас не развеют страхов его юного мужа — доказать свои слова он сможет лишь делом.

Пройдёт время, и они притрутся друг к другу. Тогда Цзян Жан воочию убедится, что его супруг вовсе не тот ленивый, изнеженный и глупый увалень, о котором судачили кумушки на деревенских посиделках.

С ним их общая жизнь непременно наладится и с каждым днём будет становиться только краше и сытнее.